

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ДОНБАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»
(ГОУ ВО ЛНР «ДОНГТИ»)



ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги, учащиеся и студенты!

Кафедра иностранных языков ГОУ ВО ЛНР «ДонГТИ» приглашает учащихся средних школ и студентов образовательных организаций высшего образования принять участие в Международном конкурсе художественного и технического перевода «**Живое слово**», который посвящен 220-летию со дня рождения Владимира Ивановича Даля.

Цель конкурса: популяризация научных знаний среди студентов, развитие и распространение языковой культуры, повышение мотивации молодежи к изучению иностранных языков, истории, мировой культуры, истории родного края, выявление знаний в области иностранных языков и перевода текстов с иностранного языка на русский язык и с русского языка на иностранный, выявление и стимулирование творческого потенциала личности, а также привлечение любителей поэзии к лучшим образцам воплощения красоты слова, объединение по интересам широкого круга обучающихся.

Языки конкурса: английский, русский.

Форма участия: заочная.

Конкурс проводится с 15.03.21 по 15.04.21.

Заявки и конкурсные переводы принимаются оргкомитетом конкурса до **15 апреля 2021 г.**

Детальная информация размещена в **Положении о проведении конкурса.**

16.04.21 – 29.04. 21 – Работа жюри.

30.04.21 – Подведение итогов и публикация результатов на сайте организатора конкурса <https://www.dstu.education/ru/> Победители будут награждены дипломами. С переводами победителей конкурса можно будет также ознакомиться на сайте.

К участию в конкурсе приглашаются:

- учащиеся 10-11 классов;
- студенты языковых вузов;
- студенты неязыковых вузов и факультетов, в т. ч. обучающиеся по направлениям подготовки 45.03.02 «Лингвистика» и 45.05.01 «Перевод и переводоведение»;
- студенты, интересующиеся иностранными языками и желающие попробовать свои силы в переводе.

Для перевода предлагаются конкурсные тексты на английском и русском языках (**Приложение 2**) по следующим номинациям:

- Номинация 1 – Лучший перевод поэтического произведения с русского языка на английский язык;
- Номинация 2 – Лучший художественный перевод с русского языка на английский язык;
- Номинация 3 – Лучший художественный перевод с английского языка на русский язык;
- Номинация 4 – Лучший перевод текста специальной сферы (научно-

популярный текст, рекламный текст) с английского языка на русский язык.

Участники могут выбрать любое(ые) из предложенных заданий и прислать неограниченное количество переводов в любой из указанных номинаций.

Победители будут определены в каждой номинации .

Для участия в конкурсе необходимо выполнить конкурсное задание, оформить заявку (форма заявки прилагается ниже) и направить их в одном письме по электронной почте на адрес оргкомитета конкурса kafedrampf@gmail.com. **В теме письма указать: На конкурс переводов «Живое слово».**

Представленные на конкурс работы не рецензируются и не возвращаются.

Требования к оформлению переводов

На конкурс принимаются переводы, выполненные самостоятельно.

Конкурсные работы должны быть оформлены в соответствии со следующими требованиями:

- Формат страницы: А4; ориентация – книжная; все поля – 20 мм;
- Шрифт Times New Roman, 14 кегль; межстрочный интервал 1,5; выравнивание по ширине, стандартный абзацный отступ, текстовый редактор – Word 2003 в форматах .doc или .docx;
- Нумерация страниц (внизу справа);
- Указание Ф.И.О. в колонтитулах.

Оргкомитет оставляет за собой право не допускать к участию в конкурсе работы, оформленные с нарушением требований.

Файл с заявкой оформляется следующим образом:

Фамилия_И.О._ВУЗ_заявка (например, Иванова_И.И._ДонГТИ_заявка)

Образец оформления заявки участника в Приложении 1.

ВНИМАНИЕ!!! К участию в конкурсе допускаются работы, выполненные лично заявителем и не публиковавшиеся ранее. В случае установления факта плагиата, подлога или иных нарушений авторских прав, работа, представленная нарушителем, снимается с конкурса. Все работы, присланные на конкурс, будут проверяться системой «Антиплагиат»!!!

Файл с конкурсной работой должен быть оформлен следующим образом: Фамилия_И.О._номинация_ИЯ (например, Иванова_И.И._худож. текст_АЯ).

Результаты конкурса будут опубликованы на сайте организатора <https://www.dstu.education/ru/> после подведения итогов. Работы, представленные на конкурс, не публикуются. Участие в конкурсе бесплатное.

Координатор конкурса:

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ГОУ ВО ЛНР «ДонГТИ» Сулейманова Наталия Валерьевна.

Образец заявки

**Заявка
для участия в Международном конкурсе
художественного и технического перевода «Живое слово»,
приуроченного 220-летию со дня рождения Владимира Ивановича Даля**

Фамилия, имя, отчество участника (полностью)	
Место учебы (курс, факультет, полное название образовательной организации)	
Руководитель/консультант (при наличии) Номинация Язык текста оригинала Телефон	
e-mail	

Отправляя заявку на конкурс, я даю согласие на обработку указанных персональных данных.

«_____» _____ 20__ г. _____ / _____ /
(подпись участника) (расшифровка подписи)

Номинация «Лучший художественный перевод с английского языка на русский»

Текст 1

Bernard Maclaverty

Grace Notes

The first time she saw the Chinese composer Huang Xiao Gang was at a composition workshop in the University. Because the public were to be admitted, it was not in the Music Department but in the lecture theatre overlooking the main quad. Through the window Catherine could see the green of the clipped lawn and the laburnum and cherry trees in full blossom and the cloisters beyond. She thought it would make anybody Chinese feel at home. It was a warm sunny day. The Prof came in with several other men and walked to the rostrum. Huang Xiao Gang was in the middle of the group. The first thing that struck Catherine was his height. She had expected someone small but this man was over six foot – thin and wiry – in his early fifties, although he looked boyish. His hair was black, turning to grey, and short – so short it could not be described as a haircut – more that his head had been shaved some time ago and the hair was growing back. The Prof introduced him to the audience of about thirty. He told them that Huang Xiao Gang had only yesterday flown in from Toronto, where he now lived, so he was still suffering from jet lag. He had been born in a remote province of northern China and the only music he had heard before reaching manhood was ritualistic – funeral music, wedding music. It was only very much later he heard Western music. The University Music Department was more than privileged to have such a man address them. Left alone on the platform Huang Xiao Gang looked shyly down at his feet and began. He was a beautiful man with an open, immediately likeable face and smile. His English was extremely good. One pronunciation threw her. Peach. She thought he was referring to the fruit but he said it several times and she realised by the context what it was. For him peach and pitch were homophones. He began by, not dismissing the conservatoire approach, but by putting it in its place. A three- or four-year old child with an innocent ear could produce things every bit as interesting as a Music Professor. There were smiles and nudges and glances at the Prof to see if he'd taken offence. Huang Xiao Gang talked about pre-hearing and dinner hearing and later about categories of sound like peach and rhythm – random or otherwise. He invited about ten students, including Catherine, on to the platform to do some vocal improvisation. They sat in a half-circle around him,

five boys and five girls. He talked about the invisible disciplines of Taoism – the interaction of the two cosmic forces, the yin and the yang – the feminine and the masculine. Do you compose the music or does the music compose you? Where are the notes between the notes? Graces, grace notes or, as the French would have it, *agréments*. Are you a conduit for the music? Are you the nib or the ink source? He asked the students on the platform to breathe quietly, then to increase the noise of the expiration of each breath. It was astonishing the way the audience were on the edge of their seats listening to the expulsion of breath by ten people as if it was a new sound. Huang Xiao Gang said, ‘It is like a class for future mothers.’ Then he interfered with the expelling of the breath, chopping it up into gasps with his hand. He conducted with his hands, *diminuendo* and *crescendo*. His gestures were functional but at the same time delicate. Beautiful. The slightest movement of his head to keep time. He asked the students if they could draw the sounds they had heard, put a shape to them. Catherine suggested that if she was to represent the chopping-breath sound it was, ‘Out there. The rhythm of the cloisters.’ Huang Xiao Gang nodded. He then talked about pre-hearing, asked the students to think about the shape of what they were going to improvise. Each contribution was to have a head, a body and a tail. Silence could be any part of the sound. There were four stages – first they had to, in silence, think about what sound or sounds they were going to make. Then they had to perform it. Having performed it they had to register and remember it. Lastly they had to do it again. He asked Catherine to do this. She thought, then she gasped. A sigh, belted out sharply. Huang Xiao Gang said he was strangely moved by it, said, ‘Ah what a sigh is there.’ Called her Lady Macbeth. Catherine knew what he meant. Yet it was perilously close to being laughable. The courage to risk being thought pretentious. But when he said it – it was with a smile and he got away with it. Later Catherine began improvising with Huang Xiao Gang, alternating ‘breath sentences’. Silence was part of hers and there was a mix up. They both waited. And everyone waited. Two chess players, both polite and patient thinking it’s the other’s move. The silence went on and on and on. For a long time. Then he turned to Catherine and they both smiled, realizing their mistake. It was like when she’d pressed the piano keys as a child and no sound had come. Then they did it again, this time correctly, and she was amazed at how complete a thing it was. A series of sounds, formed, swished, swift – the way a series of brush strokes made a Chinese ideogram. ‘A composer does not grub around changing this note and trying that note instead. A composer hears the thing in his or her head and writes it down.’

Текст 2

AS THE ANCIENT cogwheel train clawed its way up the dizzying incline, Edmond Kirsch surveyed the jagged mountaintop above him. In the distance, built into the face of a sheer cliff, the massive stone monastery seemed to hang in space, as if magically fused to the vertical precipice. This timeless sanctuary in Catalonia, Spain, had endured the relentless pull of gravity for more than four centuries, never slipping from its original purpose: to insulate its occupants from the modern world. Ironically, they will now be the first to learn the truth, Kirsch thought, wondering how they would react. Historically, the most dangerous men on earth were men of God ... especially when their gods became threatened. And I am about to hurl a flaming spear into a hornets' nest. When the train reached the mountaintop, Kirsch saw a solitary figure waiting for him on the platform. The wizened skeleton of a man was draped in the traditional Catholic purple cassock and white rochet, with a zucchetto on his head. Kirsch recognized his host's rawboned features from photos and felt an unexpected surge of adrenaline. Valdespino is greeting me personally. Bishop Antonio Valdespino was a formidable figure in Spain—not only a trusted friend and counselor to the king himself, but one of the country's most vocal and influential advocates for the preservation of conservative Catholic values and traditional political standards. "Edmond Kirsch, I assume?" the bishop intoned as Kirsch exited the train. "Guilty as charged," Kirsch said, smiling as he reached out to shake his host's bony hand. "Bishop Valdespino, I want to thank you for arranging this meeting." "I appreciate your requesting it." The bishop's voice was stronger than Kirsch expected—clear and penetrating, like a bell. "It is not often we are consulted by men of science, especially one of your prominence. This way, please." As Valdespino guided Kirsch across the platform, the cold mountain air whipped at the bishop's cassock. "I must confess," Valdespino said, "you look different than I imagined. I was expecting a scientist, but you're quite ..." He eyed his guest's sleek Kiton K50 suit and Barker ostrich shoes with a hint of disdain. "'Hip,' I believe, is the word?" Kirsch smiled politely. The word "hip" went out of style decades ago. "In reading your list of accomplishments," the bishop said, "I am still not entirely sure what it is you do." "I specialize in game theory and computer modeling." "So you make the computer games that the children play?" Kirsch sensed the bishop was feigning ignorance in an attempt to be quaint. More accurately, Kirsch knew, Valdespino was a frighteningly well-informed student of technology and often warned others of its dangers. "No, sir, actually game theory is

a field of mathematics that studies patterns in order to make predictions about the future.” “Ah yes. I believe I read that you predicted a European monetary crisis some years ago? When nobody listened, you saved the day by inventing a computer program that pulled the EU back from the dead. What was your famous quote? ‘At thirty-three years old, I am the same age as Christ when He performed His resurrection.’” Kirsch cringed. “A poor analogy, Your Grace. I was young.” “Young?” The bishop chuckled. “And how old are you now ... perhaps forty?” “Just.” The old man smiled as the strong wind continued to billow his robe. “Well, the meek were supposed to inherit the earth, but instead it has gone to the young—the technically inclined, those who stare into video screens rather than into their own souls. I must admit, I never imagined I would have reason to meet the young man leading the charge. They call you a prophet, you know.” “Not a very good one in your case, Your Grace,” Kirsch replied. “When I asked if I might meet you and your colleagues privately, I calculated only a twenty percent chance you would accept.” “And as I told my colleagues, the devout can always benefit from listening to nonbelievers. It is in hearing the voice of the devil that we can better appreciate the voice of God.” The old man smiled. “I am joking, of course. Please forgive my aging sense of humor. My filters fail me from time to time.” With that, Bishop Valdespino motioned ahead. “The others are waiting. This way, please.” Kirsch eyed their destination, a colossal citadel of gray stone perched on the edge of a sheer cliff that plunged thousands of feet down into a lush tapestry of wooded foothills. Unnerved by the height, Kirsch averted his eyes from the chasm and followed the bishop along the uneven cliffside path, turning his thoughts to the meeting ahead.

**Номинация «Лучший художественный перевод с русского языка на
английский»**

Текст 1

В.И. Даль

У ТЕБЯ У САМОГО СВОЙ УМ

Козел повадился в огород: бывало, как только пастухи выгонят гурт (стадо. — Ред.) свой, то Васька мой сперва, как добрый, идет, головой помахивает, бородой потряхивает; а как только ребяташки засядут в овражке где-нибудь в камешки играть, то Васька и отправляется прямо в капусту.

Раз и пошел он тем же знакомым путем, идет себе да пофыркивает. В это время отбилась от гурта глупая овца, зашла в чащу, в крапиву да в лопушник; стоит, сердечная, да кричит, да оглядывается — не найдется ли кто добрый человек, чтобы вывел из этой беды. Увидавши козла, обрадовалась она, как родному брату: пойду, дескать, хоть за ним. “Этот выведет: мне не первина за ним идти; у нас и впереди гурта тот козел-вожак идет, за ним ступай смело!”

Пошла овца наша, увязавшись за козлом. Он через овраг — она через овраг; он через тын — она через тын, и попала с ним же в огород.

На этот раз огородник заглянул как-то пораньше в капусту свою да и увидал гостей. Схватил он хворостину предолгую да кинулся на незваных. Козел, как попроворнее, успел перескочить опять через тын, мемекнул да и пошел себе в чистое поле, а бедная овца замоталась, стала кидаться, оробев, во все стороны да и попалась. Не пожалел огородник хворостины своей: всю измочалил о бедную овцу, так, что уже она кричит не своим голосом, да помощи нет ни от кого. Наконец огородник, подумавши про себя: чего доброго, еще убьешь дуру эту, после хозяин привяжется. Выгнал ее в калитку и еще-таки на дорогу вытянул во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, в гурт, да и плачется на козла, а козел говорит: — А кто велел тебе за мною хвостом бегать? Я пошел в свою голову, так мой и ответ; коли мучик мне отомнет бока, так я ни на кого плакаться не стану, ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, зачем-де не приглядел за мною, а уж буду молчать да терпеть. А тебя зачем нелегкая понесла за мною? Я тебя не звал.

И козел, хоть и плут, вор, а прав в этом деле. Смотри всяк своими глазами, раскидывай своим умом да и ступай туда, где лучше. И у нас то же бывает: один

пустится на какой ни есть грех, а другой, на него глядя, за ним же, да после, как попадется, и плачется на учителя. А разве у тебя у самого своего ума нет?

Текст 2

В.И. Даль

ВОЙНА ГРИБОВ С ЯГОДАМИ

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и черной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прет, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало и мы в чести, в почете, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетем, задушим ее, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы глядючи, и стал он грибы созывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опёнки!

Отказались опёнки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдём на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки; говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

— Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», — думает зеленая травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара — широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнешенько, насилиу до дому донесла, а

дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадушки, опёнки — в бочонки, сморчки — в бурачки, груздки — в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодою воевать.

Номинация «Лучший перевод поэтического произведения с русского языка на английский»

Текст 1

И.А. Бунин

СЛОВО

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Текст 2

М.Л. Матусовский

В МУЗЕЕ ДАЛЯ В ЛУГАНСКЕ

Толовишь отзвук древнего напева,
То говор поздних дней.
И слово состоит, как будто древо,
Из веток и корней.

Незыблема его первооснова
На много сотен лет.
Выходит так, что у любого слова
Есть запах, вкус и цвет.

Слова и фразы нижутся, как звенья.
И так растёт строка.

И можно различить сердцебиенье
Живого языка...

Сидят сейчас четыре института
Над словарём одним.
А Даль всё так же нужен почему-то,
А Даль — незаменим.

Номинация «Лучший перевод текста специальной сферы (научно-популярный текст, рекламный текст) с английского языка на русский»

Текст 1

Abstract from «Vladimir Ivanovič Dal’ as a Belletrist» by Joachim T. Baer

...Dal’ was not a man of great culture. His training both at home and in the Naval Cadet School was strict and limited in scope. His personality is strongly characterized by one feature: single-mindedness. He was single-minded in his rejection of all foreign elements in the Russian language and literature and he was completely devoted to the task of compiling his Dictionary and his Proverbs. This single-mindedness bears similarity to fanaticism, a fact that is noticeable primarily in his theoretical writings on the Russian language. It is well known that fanaticism is a concomitant of lack of culture. Dal’ was not a trained philologist but an “ideologist-dilettante”, the more reason for him to be convinced that he was right.

Another fact enters here, namely, Dal’'s foreign origin. He bore a foreign name and professed the Lutheran faith. No doubt he was sensitive to his foreign background since pure Russianism was his ideal. Furthermore, he lived during a time when pure Russianism was the official credo: “It is our joint task to secure that the culture of the nation shall be carried on in the unified spirit of Orthodoxy, autocracy and patriotism” (Count Uvarov). Dal’ did not want to be considered anything else but Russian. When his friends from Derpt wrote to him in the eighteen sixties and asked whether he was Russian or German, he answered unequivocally:

“Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека - вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно проявлением духа - мыслью.

Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски.”

Текст 2

THE MYSTERY OF BALL LIGHTNING

What's the most plausible explanation for this rare atmospheric phenomenon?

It's a weather phenomenon that has puzzled the minds of scientists for thousands of years. As far back as the ancient Greeks, there have been eyewitness accounts of floating, glowing balls of electricity emerging after a thunderstorm. These balls of energy have ranged from the size of a golf ball to a few metres wide. There have even been reports of the plasma-like balls floating in the sky and entering people's homes before vanishing.

Explanations for these electrical oddities vary, but one of the only theories to be proven in a laboratory is the theory of vaporised silicon. In the ground, soil and sand have high quantities of silicon dioxide. When this compound is heated by the energy emitted by lightning it creates balls of light, which could explain ball lightning sightings in nature. However, this does not account for the witness reports of ball lightning passing through windows and entering a building before dissipating.

There may not be an one-size-fits-all answer when it comes to explaining ball lightning. It is possible that there are many different types of this phenomenon, each caused by a different process. The main hurdle for researchers is the infrequency of ball lightning events, making them difficult to study.

Текст 3

HOW SOAP CLEANS

Soaps are sodium or potassium fatty acids salts, produced from the hydrolysis of fats in a chemical reaction called saponification. Each soap molecule has a long hydrocarbon chain, sometimes called its 'tail', with a

carboxylate 'head'. In water, the sodium or potassium ions float free, leaving a negatively-charged head.

Soap is an excellent cleanser because of its ability to act as an emulsifying agent. An emulsifier is capable of dispersing one liquid into another immiscible liquid. This means that while oil (which attracts dirt) doesn't naturally mix with water, soap can suspend oil/dirt in such a way that it can be removed.

The organic part of natural soap is a negatively-charged, polar molecule. Its hydrophilic (water-loving) carboxylate group interacts with water molecules via ion-

dipole interactions and hydrogen bonding. The hydrophobic (water-fearing) part of a soap molecule, its long, nonpolar hydrocarbon chain, does not interact with water molecules. The hydrocarbon chains are attracted to each other by dispersion forces and cluster together, forming structures called micelles. In these micelles, the carboxylate groups form a negatively-charged spherical surface, with the hydrocarbon chains inside the sphere. Because they are negatively charged, soap micelles repel each other and remain dispersed in water.

Grease and oil are nonpolar and insoluble in water. When soap and soiling oils are mixed, the nonpolar hydrocarbon portion of the micelles break up the nonpolar oil molecules. A different type of micelle then forms, with nonpolar soiling molecules in the center. Thus, grease and oil and the 'dirt' attached to them are caught inside the micelle and can be rinsed away.

Текст 4

HOW CAN A MAN IN A \$27,000 SUIT SETTLE FOR A \$235 WATCH?

The Apollo-Soyuz spacesuits, like those for every preceding space mission, were designed especially for the job. Not surprising either. You'd hardly expect to find the equipment for the flight through space to this historic America-Russia meeting ready-invented in the shops.

Yet that's how the astronauts found the Omega Speedmaster, their watch.

In 1965 NASA picked up a Speedmaster, as simply as you do in your local jewellery shop. And they made it standard flight equipment for every astronaut because, unlike any other chronograph tested, whatever NASA did to the Speedmaster, it stood up.

If you're wearing an Omega Speedmaster you can be proud of it – numerous space missions, six moon landings, and now, almost unbelievably, America and Russia together. For any other watch, the shock would be too much.